

А. М. Сулейменова

**РАССКАЗ «ЛОЖЬ» ЁСАНО АКИКО,
ИЛИ ИЗ КАКОГО СОРА РОЖДАЮТСЯ ДЕТСКИЕ РАССКАЗЫ?**

(Научно-популярный материал)

Поэтому же так бесконечно значительна
и наша жизнь в детские годы:
в то время всё для нас одинаково важно,
мы всё слышим, всё видим,
все впечатления соразмерны,
тогда как впоследствии мы проявляем
больше преднамеренности....
выигрывая в широте жизни,
мы проигрываем в её глубине.

Генрих Гейне, «Прогулки по Гарцу».

Действительно, откуда берутся рассказы и повести для детей? Понятно, например, откуда берутся сказки – из неиссякаемых запасов памяти бабушек и дедушек. То есть во всех народных культурах есть богатая устная традиция рассказывать истории и передавать их от поколения поколению. Эта устная культура в развитых странах давала толчок развитию письменной литературы, но до сих пор многие народы живут, рассказывая друг другу только народные сказки, не зная о существовании авторской сказки, например, о сказках Г.-Х Андерсена или Льва Толстого.

А вот история авторского рассказа для детей и о детях связана с Новым временем, иным сознанием взрослого, который писал такие истории, и ребёнка, который эти истории читал.

Японская детская литература появилась только в XX веке. Развитие детской литературы большинства стран Азии и Африки связано прежде всего с функцией эстетическо-воспитательной, направленной на формирование будущего нации. Для этих литератур было важным утверждение

национального самосознания, но с этой установкой, родившейся почти спонтанно у многих народов, связана одна доминирующая тема в детской литературе – овладение знаниями.

Ощущение себя японцем явственно слышно в словах песенки, сочинённой Ногути Удзё (1882–1945):

青い眼の人形

青い眼をしたお人形は
アメリカ生れのセルロイド
日本の港へついたとき
一杯涙をうかべてた

「わたしは言葉がわからない
迷ひ子になつたらなんとせう」
やさしい日本の嬢ちやんよ
仲よく遊んでやつとくれ

Кукла с голубыми глазками

Кукла с голубыми глазками,
Сделана в Америке.
Прибыла в японский порт,
И ревёт в истерике!

«Мне ни слова не понятно,
Где я, что мне делать нужно?»
Девочка-японочка,
Будь же ей подружкой!

В словах этой популярной песенки перед детьми развёртывается ситуация столкновения иностранца (в данном случае, голубоглазой куклы) с японцами. В словах куклы «Мне ни слова не понятно...» чувствуется акцент, некоторые певцы-исполнители песни пытались его передать. Обращение к «девочке-японочке» («нацукасий дзё-тян») звучит явно не из уст целлулоидного создания, а произносится автором, словно протягивающим

куклу ребёнку. Дети вступали в мир, уже наполненный другими людьми, непохожими на их родных.

Межкультурная коммуникация усложнилась даже в такой консервативной области, как воспитание девочек. Писательница останавливается на этом гендерном вопросе. Японцы, буквально век назад не имевшие представления о внешнем виде иностранцев, теперь стали связывать с ними как чувство отстранения, так и чувство привязанности.

Поэтесса и писательница Ёсано Акико (1873–1935) заставила перемещаться по новому Токио своих героев-рыбок, заставила Бун-тяна спрашивать, кто же это такой «Николай»? Дети вступают не в традиционную Японию – с жизнью, регламентированной конфуцианскими и буддистскими предписаниями (храмовые школы «тэра-коя», кварталы увеселений и прочее, доставшееся от предыдущих эпох), а в Токио, постепенно превращающийся в многонациональный, мультикультурный центр.

В рассказе «Ложь» Ёсано Акико знакомит детей с городом, который она отлично знает, – с Киото. Его представляет девочка, от имени которой ведётся рассказ, – сама Акико, только девятилетняя девочка Акико.

В 1915 г. был опубликован цикл эссе-воспоминаний Акико о своём детстве в девяти частях «Моё детство» («Ватаси но оитати»), и позже, в 1916 г., появилась серия эссе в десяти частях «Девочки, которых я видела» («Ватаси но мита сёдзё»). В 1985 г. известный исследователь детской литературы Камисё Итиро (род. в 1932 г.) издал «Моё детство» отдельной книгой, а в 1989 г. эта работа была переиздана в популярном формате «Бунко» в издательстве «Гакуё».

О чём же говорится в рассказе «Ложь»? Кто солгал, и была ли эта настоящая ложь чем-то иным, чем выдумка ребёнка? Когда вы прочитаете рассказ, то сможете составить собственное представление о нем, но понятно, что Ёсано Акико не просто вспоминала собственное детство, она искала истоки своих творческих стремлений.

В сборнике «Наряд любви» («Коигоромо», 1905) Акико так описывает тоску по Сакаи, городу, в котором провела детство:

海恋し潮の遠鳴りかぞへては少女となりし父母の家

Уми коиси	Люблю море...
Сио но тоонари	Начну считать удары
Кадзоэтэ ва	Далекого прилива –
Отомэ то нариси	И снова стану девочкой
Тити хаха но ути	В доме папы и мамы...

В этом городе, где располагалась лавка сладостей отца Акико, жила вся её семья – отец, мать, сводная сестра, родные братья и сестрёнка. Со сводной сестрой Акико приходилось работать в лавке, времени читать книжки и сочинять рассказы, тем более писать стихи, у девочки не было. Но было воображение. То самое воображение, которое вело ребёнка в далёкий, по меркам того времени, и красивый город Киото. Эту старую столицу маленькой Акико удалось увидеть только один раз, поэтому многое пришлось додумывать. Вот и стали у девочки, дочери продавца сладостей, получаться рассказы. Эти рассказы ей вспомнились через много лет, и из них Ёсано Акико составила сборник. Жанр таких произведений определить трудно – то ли это рассказы для детей, то ли воспоминания. Тем не менее по таким работам можно представить жизнь маленьких японцев конца XIX века – периода вестернизации Японии. Можно увидеть, как и во что они играли, о чём мечтали, а также понять повседневную жизнь японцев с ее социокультурной проблематикой и гендерными вопросами, когда утверждался новый подход к воспитанию и обучению девочек. Эти произведения Ёсано Акико сравнимы с психологической повестью японской писательницы Хигути Итиё (1872–1896) «Сверстники» («Такэкурабэ», 1896), посвященной судьбам подростков – молодого поколения новой Японии, в которой выражается протест против несправедливого положения женщины в обществе.

Рассказы Акико заслужили внимание читательских кругов и были включены в сборник «Библиотека ста лет» («Хякунэн бунко») издательства «Тикума бунко» вместе с работами таких выдающихся авторов, как Миядзава Кэндзи (1896–1933) и Василий Ерошенко (1889–1952). Японцы учились у русских писателей тому, как писать для детей.

Ёсано Акико

Ложь

Когда мне было около 9 лет, в ходу были рассказы о падчерице. Рисовали дом в четыре-пять этажей, словно укладывали коробки из камня, и людей, напоминавших иероглиф «сита» (下), записанный скорописью. Каждый день подружки рассказывали про мачеху-чертовку, подкладывавшую падчерице иголки в матрас. Как только одна заговорит, так сразу 7–8 голов начинают всматриваться в этот нарисованный каменный короб, и эти камни появлялись то тут, то там в классной комнате, это было самым веселым в часы развлечений. Именами для «падчерицы» и «родной дочки» служили имена О-Гин и Ко-Гин. Я уже устала от всего этого. По дороге в школу меня мучило от тоски – вот, снова слушать эти противные рассказы. Я-то ни разу такого не рассказывала. Однако выдался день, когда можно было подольше поиграть, и я разразилась такими словами:

– Сегодня я вам расскажу историю. Но картинок рисовать не буду. Потому что буду рассказывать настоящую историю.

Но то, что я им наговорила, было ложью. К тому времени я один раз вместе с отцом ездила посмотреть Киото. Другие такого опыта не имели. Но от своих дедушек, матерей и родных все они слышали про «западную столицу», очень красивый город, и не было никого, кого бы туда не тянуло. А я, один раз побывавшая в столице, после этого могла вызвать у всех интерес, мне ведь запомнились названия всех достопримечательностей, районов, или я могла просто их себе вообразить.

– Ребята, у меня в Киото есть дом. До этого, правда, мне приходилось это скрывать.

Никто и не спросил: «Правда?» Только все смотрели на меня широко раскрытыми глазами.

– Ты что, падчерица, что ли?

– Да, однако у меня мачеха была, когда я жила в Киото. Я с самого начала была падчерицей.

– Бедненькая... – все выдохнули разом. Меня даже по спине погладили. И сразу же те, кто придумывал басни про падчерицу, подошли ко мне.

– Дом у меня стоит на улице Сандзё, а рядом улица Мацубара.

Сандзё и Мацубара расположены на восточной и западной сторонах Киото, но у меня так странно вышло.

– Да и слева от моего дома – река Камо. Красивая такая река. Там много белых камней, течёт серебристая вода. В ней отражаются и Восточная гора, и Западная гора, и Северная гора. И Башня Ясака, и Башня Тодзи, и Серебряный павильон, и Золотой павильон – всё в ней отражается¹.

– Вот как, такое красивое место?

– Да, и за домом есть калитка. Спустишься по каменной лестнице, перейдёшь топ-топ по мостику, а там – набережная Кавара. На Каваре летом прохладно...

– А мачеха?

– Мачеха? Да, страшная, страшная мачеха у меня. Страшная, страшная, страшная.

Сказала я это, и надо было подумать о том, что же говорить дальше.

– Мой дом – красильня «юдзэн-я». Красильня, в которой и «тиримэн» красят². После того как покрасят, ткани надо стирать в реке. Вот я и мою, стираю. А если не будешь работать, мачеха будет ругаться.

¹ Сандзё, Мацубара, Ясака-но то (Башня Ясака), Тодзи но то (Башня Тодзи), Восточная гора (Хигасияма), Западная гора (Нисияма), Северная гора (Китаяма) – места, символичные для Киото, но расположенные в разных концах города. Река Камо протекает по восточной части Киото.

² «Юдзэн», «тиримэн» – сорта традиционного набивного шёлка, производимого в Киото. «Юдзэн-я» - красильня, специализирующаяся на таких материалах.

– Вот молодец, так и стирала?

– Да, в день надо было 20 полотен на берегу высушить.

– А дождь пойдёт, что делать-то?

– Вот тогда-то дождь и пошёл. Тяжело было мне-то. Слились как-то воды дождевые и речные, уплыл шёлк «тиримэн». Я подумала: обругает мачеха, надо подхватить его во чтобы то ни стало. Скоренько понеслась я за ним по берегу реки Камо. Бежала, бежала, весь вечер бежала, до Фусими добежала³.

– Подобрала?

– Нет.

– О-о!

– В конце концов потеряла. Что же делать, думаю, мачеха ведь будет ругаться, вот и заплакала, а тут добрая бабушка пришла, отвела меня в свой дом, сказала мне: «Будь моей дочкой».

– Ой, хорошо-то как!

– Однако она была бедной, не из риса, а из соломы лепёшки лепила.

– Из соломы лепёшки разве готовят?

– Готовят. Бабушка обваливает эти лепёшки в бобовой муке и идёт в лавку их продавать. Она их выставяла в чайной лавке, рядом с водопадом в Киёмидзу.

– Киёмидзу тоже находится в Киото?

– Да, водопад делится на три части и падает вниз. Люди подходят, черпают воду.

Теперь я сказала то, что видела своими глазами.

– А эти люди покупают лепёшки из соломы?

– И другие тоже покупают. Чтобы хорошо продать, надо было суетиться, вернуться домой можно было только к ночи. Бабушка уходила первой, а я магазин закрывала и возвращалась после неё. Проходила по району Отани, там могил много, было страшно, просто ужас!

³ Фусими – южный пригород Киото.

– Страшно-то как!

– Да, а вот однажды подошли ко мне грабители, лица закрыты, ножи выставлены. Старший и слуга его. Слуга пику держал.

– Порезали?

– Да, ткнули в меня, но я уже вылечилась.

– Где?

– Вот тут.

И я сдвинула рукой живот.

– Воры положили меня в коробку, наверное, увезли в Китай. Потому что корабль, куда меня посадили, сильно качало, и меня укачало. Глаза покраснели, на ногах еле-еле держалась.

Я думала тогда, что морская болезнь и опьянение – одно и то же.

– И тут налетела страшная волна, корабль, на котором я плыла, опрокинулся, коробка, в которой меня держали, треснула, вот всё и закончилось хорошо. Я, правда, к тому времени потеряла сознание, ничего не помнила. А глаза открыла – я в Сакаи, на побережье.

– И маяк был виден?

– Да, ночью маяк красиво горел синим-синим светом.

– И вот ты вошла в семью Хо-сан⁴?

– Да.

– Бедненькая...

– Мы и не думали, что ты падчерица...

– Бедняжка...

Подружки, что стояли рядом со мной, заплакали. И тут же все-все, словно зачарованные, принялись утирать слёзы. Мне, придумавшей такую ложь, эти слёзы запомнились надолго.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Дальневосточного федерального университета. Программа «Научный

⁴ Девичья фамилия Акико была Хо, 鳳.

фонд». Проект «Проблемы современной японской литературы и литератур Востока Азии». № 12-05-04110-01/13.